

Джазовый
пианист, педагог,
организатор
множества
фестивалей,
концертных циклов,
абонементов по всей
России Даниил
Крамер
рассказывает
читателям
«Домой!» о своем
опыте, творчестве
и о себе. Беседует
с одним из самых
известных
российских
джазменов Григорий
Дурново.

Даниил Крамер:

«Я тяжело работаю
и прилично живу»

Даниил Борисович, ваш ближайший концерт в Доме музыки называется «Даниил Крамер & Friends». Вы ведь часто приглашаете друзей в свои программы?

Все время этим занимаюсь. Началось с того, что я понял: на мне, любимом, свет клином не сошелся, а кроме того, чем интенсивнее я гастролировал, тем больше боялся надоесть. И чем больше концертов в одном и том же месте за один год мне предлагали, тем больше я боялся туда приезжать. Потому что нельзя то и дело выдумывать что-то новое. Так, я сделал спецификой своей деятельности приглашение новых музыкантов и создание с ними новых программ. Возник концертный абонемент Даниила Крамера, который идет по многим городам России. В итоге можете сами оценить такой невероятный факт: в среднем в каждом городе я появляюсь по три раза в год. Попробуйте себе представить какого угодно музыканта, который появлялся бы в одном и том же городе три раза! Дело в том, что вместе с музыкантами, которых я приглашаю, мы создаем каждый раз новые картины, и сам для себя я каждый раз играю с ними так, что себя не узнаю. Я уже даже не всегда знаю, какой он — я.

Здесь нет опасности, что вы как будто прячетесь за другими?

Нет, опасность другая. Часто случается, что я приглашаю молодых, еще не раскрученных музыкантов, больше привыкших к клубной работе, чем к концертной, — а это такая большая разница! — прекрасных профессионалов, но которые, увы, не обладают концертной аурой, умением держать публику. В таких случаях мне приходится работать паровозом. После подобных концертов я выхожу совершенно опустошенный, и иногда вообще пропадает желание играть. Поэтому я получаю гигантское наслаждение, когда играю с партнерами, которые не заставляют вытягивать их. Такие партнеры, как мультиинструменталист Давид Голощекин, пианисты Игорь Бриль и Валерий Гроховский, певец Сергей Манукян, саксофонист Игорь Бут-

ман, — с ними ничего не надо делать, просто играть. Впрочем, появились и некоторые молодые музыканты, которые обладают концертной аурой: это скрипач Феликс Ллахути, саксофонистка Аня Королева, такие ансамбли, как Marimba Plus и Moscow Ragtime Band... Видите, каких разных артистов я называю! Я играю в совершенно разной стилистике — от регтайма до абсолютного авангарда с саксофонистом Владимиром Чекасиным — и получаю от этого удовольствие.

Вы упомянули авангард. Как вы к нему подходили?

А я от него никогда не уходил: дело в том, что с самого начала моей концертной деятельности, еще на заре 1980-х годов, я сразу стал заявлять о себе как музыкант не совсем джазовый. С тех пор свою позицию не изменил. Я не могу назвать себя полноценным джазменом. И не стремлюсь к этому. Это означает, что я всеяден, абсолютно открыт для всего: для авангарда, для джаз-рока, для хип-хопа, для классики, которую очень много играю. С кем я только не работал! Требование у меня к партнерам лишь одно: высокий вкус, высокий профессионализм и умение сделать то главное, для чего вообще существует музыка, — раскрыть чужое сердце. Потому что все наши изыски, опыт и так далее — все предназначено только для одного: для создания такого образа, который раскроет чужое, неизвестное мне человеческое сердце. И только для этого существует любое искусство, другого смысла существования нет.

Часто ли бывает, что музыкант во время совместной игры открывается с совершенно неожиданной стороны?

Так бывает всегда, можете не сомневаться. Главное — сыграть с этим музыкантом не один и не два концерта. Уже на пятом концерте вы знаете его стиль, его приемы, его манеры, можете что-то предсказать, начинаете постигать глубинный смысл его стилистики, и вот тогда-то музыкант для вас и раскрывается с тех сто-

*Требование
у меня
к партнерам
лишь одно:
высокий вкус,
высокий
профессионализм
и умение
сделать то
главное, для
чего вообще
существует
музыка, —
раскрыть
чужое сердце*

рон, которые вы никогда не познаете, пока с ним не поиграете. Джазовая импровизация всегда раскроет вам характер человека: бросит он вас в трудный момент или поможет, какая у него реакция, насколько он понимает глаза чужого человека без слов, насколько профессионально он ориентируется в законах, которые вы оба знаете, горячий он или холодный на деле, а не на словах, и так далее. В других случаях такие вещи постигаются годами.

Что из себя представляло сотрудничество с хип-хоповыми музыкантами?

Это было в Атланта с двумя вокалистами, причем они прекрасно импровизировали джаз. Мы начали с хип-хопа, внутри были джазовые импровизации. Они абсолютно спокойно переходили из стиля в стиль — называть это плохой эклектикой у меня язык не повернется. В итоге весь зал плясал вместе с нами. Еще у меня был забавный опыт сотрудничества с балетным коллективом в Красноярске. Я высылал им записи, под них делалась хореография, потом уже мы встречались и играли вживую. Еще один из неожиданных проектов — соревнование двух биг-бэндов: Франция — Испания. Я выступал от имени Франции как солист оркестра знаменитого Клода Боллинга на пару со скрипачом Дидье Локвудом. Это соревнование длилось больше четырех часов. И Франция победила, мы их просто задавили! (Смеется.)

У вас был опыт дирижирования симфоническим оркестром, как это получилось?

Я дирижировал симфоническим оркестром в Омске — «Неоконченную симфонию» Шуберта и «Сон в летнюю ночь» Мендельсона. Первый раз в жизни я выделил около десяти дней на то, чтобы приехать в Омск и учиться дирижированию, а потом три дня работать с оркестром до концерта. Моим учителем стал дирижер Евгений Шестаков. Я как-то поделился с ним мечтой: хочу один раз попробовать, что такое инструмент, который состоит из ста инструментов. Я уже забыл, как был студентом, а тут сидел по десять, по одиннадцать часов в сутки, жутко болели плечи и предплечья! Потом приходилось отлеживаться в ванной. Я понял, почему дирижеры за репетицию меняют две рубашки. Я прилично похудел за эти десять дней, как на соревнованиях! Поскольку я неопытный, делал кучу лишних движений, но должен сказать, что оркестр шел за мной и музыканты смотрели на меня внимательно. В итоге мы сыграли очень хороший концерт, публика была довольна.

Какие у вас были первые впечатления от Москвы, когда вы только приехали сюда?

Первое впечатление — бешеный ритм жизни, гигантские расстояния. Я приехал в восьмимиллионный город из Харькова, где тогда, в 1978 году, было около миллиона восьмисот жителей. Никогда не мог себе представить, что от дома до института буду добираться полтора часа. Я снимал комнату в Чертаново, мне надо было, подождав автобус минимум минут десять, ехать двадцать пять минут до метро «Варшавская», потом добираться до «Арбатской» с пересадкой и идти пешком на тогдашнюю улицу Воровского к Институту Гнесиных — к нынешней Российской академии музыки. И потом весь этот путь проделывать обратно уже поздней ночью, потому что там, где я снимал угол, не было инструмента, заниматься я мог только в институте. Еще, помню, маме жаловался, что еда, которую я ем, неживая. В Харькове у нас был собствен-

*(Помню, маме
жаловался,
что еда,
которую
я ем, неживая.
В Харькове
у нас был
собственный
сад прямо
в центре
города.
И мама,
которая
жалела бедного
сыночка,
высылала мне
гигантские
корзины
с едой!)*

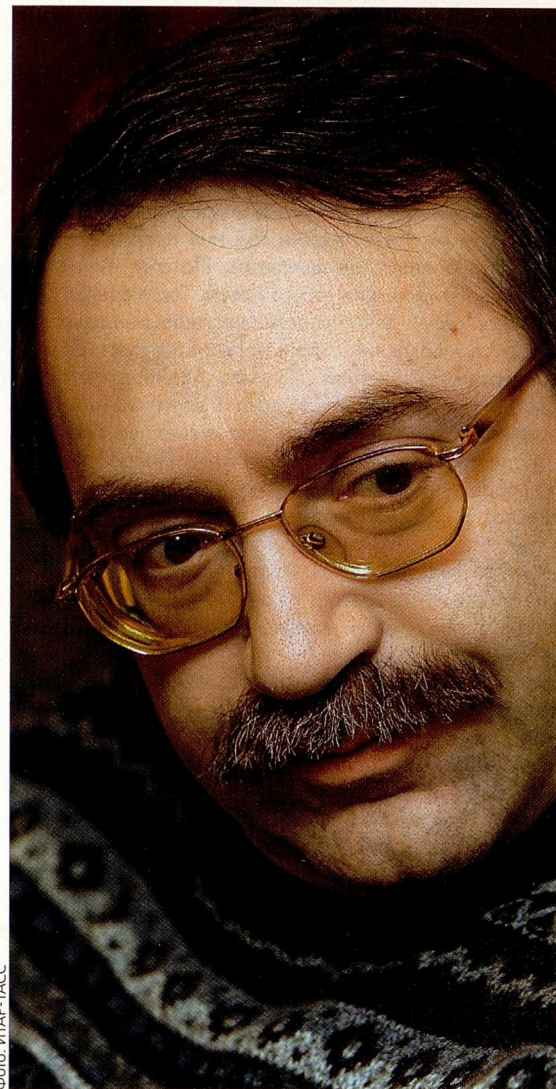

Фото: ИТАР-ТАСС

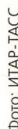
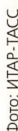
ный сад прямо в центре города. И мама, которая жалела бедного сыночка, высылала мне гигантские корзины с едой! (Смеется.) Мы были трудовой и довольно зажиточной семьей: папа работал на две ставки педагогом, мама — на полторы ставки дантистом, все трудились с утра до ночи. Так что я привык к тому, что нужно тяжело работать и прилично жить. Собственно, я до сих пор тяжело работаю и прилично живу. И буду прилично жить, видимо, до тех пор, пока смогу прилично работать. (Улыбается.)

Сейчас вы бываете в Харькове?

Да, стал снова бывать. Харьков сильно изменился с тех давних пор. Несмотря на экономические бедствия Украины, он все-таки выкарабкивается, город похорошел, народ сидит в кафешках, значит, у людей появились хоть какие-то деньги. В Харькове начали проходить концерты, даже провели джазовый фестиваль. Жалко только, что у меня в нем ничего не осталось: дом снесли, родители уехали...

Вы можете выделить какие-нибудь особенности публики в разных городах?

Не всегда понятно, почему та или иная публика труднее, это может зависеть и от меня. Но если публика приходит на концерт с настроением: «Ну-ка, что вы нам сегодня покажете, сэр?», то это то самое настроение, которым она сама себя грабит. Музыкант это чувствует с ходу, и он начинает завоевывать пуб-

(Несколько раз пробовал бороться с собственной ногой, отбивающей ритм, и с собственным голосом, потому что мне это самому мешает, — бесполезно

17–23 марта 2006 / **Домой!**

C42-45

158